

ЗОНЫ СИНКРЕТИЗМА, СОЗДАЮЩИЕ КОНТИНУУМ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

А.И. Кузнецова

Московский государственный университет

leon@philol.msu.ru

Некоторые значения многозначных слов одного и того же лексического поля могут относиться к разным понятиям (напр. собака 'животное' и 'злой, дурной человек'). В результате возникают зоны пересечения, непрерывная шкала переходности между лексико-семантическими и идеографическими группами слов.

Термин «синкретизм» означает наличие в одной форме, выполняющей несколько функций, разных означаемых. В свое время С.И. Карцевский назвал эту особенность формы *асимметричным дуализмом лингвистических знаков* [Карцевский 1929 / 1965]. В последующие годы лингвисты уделяли (и продолжают уделять) большое внимание данной проблеме на уровне и грамматики, и лексики. Особенно много писали об этом французские функционалисты и их последователи в России и других странах (напр., М.Мамудян, Г.С. Чинчлей, Г.П. Мельников). О происхождении синкретичных форм ведутся длительные споры, в основном на уровне грамматики. Одни считают, что появление в той или иной форме двух смыслов может быть следствием существовавшей в древности слитности чего-то (напр., каких-то категорий), приведшей постепенно к омонимии; другие настаивают на том, что современная слитность есть результат смешения разнородных в прошлом элементов в одной форме. Третьи, не вникая в историю появления кумулятивных (синкретичных) форм, исследуют случаи асимметричного дуализма глубоко с синхронной точки зрения.

Понятие синкретизма понималось по-разному в разные эпохи развития лингвистики. Проблемы, связанные с асимметричным дуализмом знака в языке на уровне лексики, вызвали бесконечные дискуссии, постепенно открывая новые возможности для изучения возникающих проблем. Часто полемика начиналась в связи с установлением причин появления новых значений у слов. Среди причин называли обычно 1) изменения в фонетике и структуре слова; 2) изменения внутренней формы (то есть первичного признака, образа, лежащего в основе значения слова); 3) появление заимствований, совпавших с исконным по смыслу и звучанию словом; 4) народную этимологию; 5) различия в мировосприятии этносов и изменения в нем. В силу асимметричного дуализма по той или иной причине параллелизм двух планов исчезал. В результате этого при одном плане выражения и двух планах содержания возникали омонимия или полисемия, а

при одном плане содержания и двух планах выражения – синонимия¹.

Появление коннотативных значений часто вело к затуманиванию внутренней формы слова, рождению каламбуров типа каламбура Козьмы Прутков: *Несусь я, точно так; Но двигаюсь вперед, А ты несешься сидя*. С синхронной точки зрения подобные случаи равновероятно считать омонимиями или разными значениями одного слова. В толковых словарях современного русского языка эти значения относятся к одному многозначному глаголу *нестись* 'двигаться вперед с большой скоростью' и 'класть яйца (о птицах)', как и значение 'распространяться'. Вместе со многими другими глаголами данный многозначный глагол образует лексико-семантическую группу (ЛСГ) глаголов движения.

В словарях-тезаурусах в отличие от толкового словаря глагол *нестись* будет встречаться дважды, попав в разные тематические (предметно-понятийные) группы (ТГ), в результате чего возникают и частичные пересечения различных лексико-семантических подгрупп слов. В первом случае глагол *нестись* относится к тематической группе «Движение»², во втором – к тематическому полю «Деятельности», подгруппе «Процесс». Не случайно А.А. Потебня считал, что '...малейшее изменение в значении слова делает его другим словом. Таким образом, пользуясь выражением «многозначность слова», как множеством других неточных выражений, сделаем это выражение безвредным для точности мысли, если будем знать,

¹ Учет абсолютного тождества / нетождественности и сближения / противопоставления форм и значений в контексте и в системе дало возможность Г.П. Мельникову выделить в свое время восемь семасиологических понятий, которые он представил в виде куба, учитывая три бинарных признака: синтезия / антитезия, проявляющаяся в контексте; омосемия / гетеросемия в системе и изоморфия / гетероморфия [Мельников 1971].

² Здесь и далее наименования предметно-понятийных (тематических) групп даются по словарю-тезаурусу «Лексическая основа русского языка» под редакцией В.В. Морковкина (1984).

что на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки' [Потебня 1958, с.15-16]. Как видно из приведенной цитаты, полисемия далеко не всеми понимается однозначно; иногда она отрицается совсем, все слова считаются моносемичными и могут в определенных ситуациях рассматриваться как омонимы (напр. в случаях энантиосемии). Благодаря имеющимся в слове различным смыслам, называемым в недавнем прошлом лексико-семантическим вариантом слова, оказывается трудным перевести слово на другой язык, объем значений близкого по смыслу слова в котором, как правило, не совпадает с кругом значений русского слова. Совершенно справедливо в свое время С. Чеккато, занимаясь машинным переводом, указывал, что центр внимания работающих в Миланской группе кибернетики и лингвистики сосредоточен на изучении мысли, а не языка: 'мы занимаемся скорее человеком, чем машиной, а что касается человека, то скорее его мыслью, чем языком' (цитируется по [Матвеевко 1964, с.199]). В приведенном примере с глаголом *нестись* речь идет об ассоциативных связях, возникающих у человека, когда он слышит то или иное слово. Ассоциации могут быть индивидуальными, но могут стать узуальными, закрепленными языком в виде сочетаний (напр.: *собака лает, виляет хвостом, кусается* и т.д.; *ночь звёздная, теплая, темная* и т.п.). Слова, которым соответствуют те или иные понятия или предметы, приобретают определенное значение и в силу разных причин (см. выше) попадают в различные тематические группы. Так, слово *собака* может оказаться в группах «Человек», «Животное», «Растение» (в диалектах слово имеет значение 'репейник', как и *собачка*), а в последние годы проникло в компьютерный жаргон, обозначая в адресах электронной почты знак, стоящий перед доменом – @. Уменьшительное *собачка* втягивается в поле «Оружие и его части» через значение 'гашетка, спусковой крючок'. В пределах одной ЛСГ можно наблюдать сходные изменения значений различных слов группы [Кузнецова 1963]. Так, можно обругать женщину *собакой, коровой*, назвать *клушкой, кошечкой, ласточкой* и т.д., то есть использовать данные слова из тематической группы «Животный мир» в качестве ругани или ласки по отношению к человеку. Подобные значения фиксируются словарями, описываются в лингвистических работах и являются связующими звеньями тематических групп «Человек» и «Животный мир». Внутри второй группы выделяются свои подгруппы. Напр. *медведицей* называется не только самка медведя, но и ночная бабочка яркой окраски, получившая свое наименование от мохнато-волосистого покрова тела гусеницы, а в сочетании с прилагательными *большая* и *малая* – название созвездий Большая

Медведица и Малая Медведица. В этом последнем случае слово *медведица* должно быть разнесено по трем тематическим группам – «Животное», «Насекомое» и «Космос, небесные тела». Интересно, что в южнославянских языках (напр. словенском, сербохорватском), где астронимы тяготеют к сохранению прозрачной внутренней формы, существует представление о Большой Медведице в этих и других языках на Балканах как о повозке [Младенова, 2004, с. 50].

В русском языке слова, означающие представителей фауны (в широком понимании слова, условно – «животное»), часто вызывают представление не только о человеке, как в приведенных выше примерах, но и о болезнях. Возникает семантическая модель «животное → болезнь», нередко связанная с мифологией, что широко отражено в русских диалектах. В литературном русском языке известны названия болезней по наименованию представителей фауны: *жаба* (обычно *грудная жаба*), *рак*, *свинка*; *крапивница*. В говорах встречаются названия болезней *мышка* 'опухоль, воспаление подчелюстных желез у лошадей', *ящер* 'шероховатое воспаление языка у крупного рогатого скота и лошадей' и др. [Кривошапова 2003]. Последнее слово, означающее заболевание, обычно связывают со словом *ящерица* (ср. др.-русск. *iaщерьь*, ст.-слав. *aищерьь*), которое, в свою очередь, иногда сближают с диалектным *ящур* 'вид мыши или сони'. В русском литературном языке *ящур* означает острое заразное заболевание у многих животных. Само слово в этом значении, начиная с 1822 г., встречается в двойком написании то как *ящер*, то как *ящур*, а *ящер* в современном языке означает животное, обитающее в Африке, из отряда млекопитающих (в качестве устаревшего оно известно как название вымерших пресмыкающихся и земноводных).

Подобная картина расхождений в составе лексико-семантических и тематических (понятийных) групп слов наблюдается также среди прилагательных и глаголов: значение прилагательного *горький* в сочетании *горькая полянь* и *горькое чувство* позволяют отнести слово *горький* в две разные тематические группы в зависимости от его значения: «Вкус» и «Эмоциональное состояние» (ср. прилагательные *тяжелый* и *горячий* в сочетаниях *тяжелый вес* и *тяжелое чувство*; *горячий чай* и *горячий поцелуй* и т.п.). В группе «Движение» встречаются глаголы, у которых есть значения, позволяющие отнести слова в этих значениях к полю «Отношение»; таковы глаголы *идти* и *лечь*. В сочетании *шляпа идет ей* или *Идет!* в смысле 'Согласен, ладно!' глаголы означают 'соответствовать / не соответствовать чему-л.' и относятся к полю «Соответствие» (в макрополе «Отношение»), а в сочетании *человек идет в лес* – к группе «Движение».

Как видно из приведенных примеров, полисемия часто создает зону синкретизма, представляющую собой шкалу переходности между различными понятийными полями, отраженными в единой лексико-семантической группе слов. Среди слов ЛСГ встречаются полисемантические слова, отдельные значения которых утрачивают смысловую связь с остальными значениями членов ЛСГ. Благодаря явлению полисемии, признаваемой в настоящее время подавляющим большинством лингвистов, возникают «мосты» между различными тематическими группами. В языке создается сеть семантических отношений, опосредствованно связывающая множество (а возможно, и все) тематических групп того или иного языка, создавая континуум одних лексических групп и кластеры других, что было показано на примерах, взятых из русского языка и будет дополнено примерами из некоторых уральских языков. О типах переносов значений в свое время писал Гуго Шухардт, говоря о разных отношениях между собой вещи, наименования, понятия и значения слова: «Мы должны различать четыре вида истории: наряду с историей вещи и слова... – историю обозначения и значения; два первых вида по своей природе имеют абсолютный характер, два последних – относительный» [Шухардт, 1950, с. 204]. Слова, собранные воедино и расклассифицированные по предметам, понятиям, которые они обозначают, представляют собой предметно-понятийные (или тематические) группы слов (тезаурус). Слова, сгруппированные по смыслу (по значениям) и первично связанные с определенным понятием, образуют лексико-семантические группы (поля) в языке.

Сближения между собой различных ЛСГ благодаря наличию во многих из них зон синкретизма, нередко создающих шкалу переходности между разными понятийными (тематическими) группами, могут происходить в результате табуирования некоторых зверей, птиц, считающихся первопредками того или иного этноса, священными животными. Эвфемизмы могут быть из той же тематической группы или из совершенно другой. В разных языках встречаются сходные, а иногда специфичные семантические модели появления новых значений у слова, что в большой мере зависит от мировосприятия носителей языка. В качестве примера можно рассмотреть особенности синкретичных зон в нескольких лексико-семантических группах слов некоторых уральских языков.

В ненецком языке (самодийская группа уральских языков) слова, означающие многих зверей и птиц, часто подвергаются табуированию и заменяются эвфемизмами, благодаря которым оказываются вовлеченными в иные предметно-понятийные группы. Так, у ненцев табу накладывается не только на медведя и кабана (ТГ

«Животное»), но и на их след: вместо слова, означающего ‘след’ соответствующего зверя, употребляют слово *мюдта*’ма со значением ‘след аргиша’³ (обоз нарт; слово-заместитель относится к группе «Транспорт»). Сам медведь называется *ям’мядота* (букв. ‘землю использующий в качестве жилища’ вместо *вйрк*). Священными у ненцев считаются заяц и нерпа, которых называют *хэбидя навър* ‘священная еда’ на основании того, что их ест медведь. У ханты медведь (*мойпър, пупи, иу* – в зависимости от диалекта) в песнях во время медвежьих игрищ, по подсчетам М. Бакро-Надь [Bakró-Nagy 1979], имеет 132 эвфемистических наименования, из которых большинство представляет собой словосочетание и остается в пределах тематической группы «Животное» (напр. *клькастый зверь*), но часть распределяется по другим ЛСГ (напр. *Пельмский дух*; Пельм – гидроним). Подобно тому, как в ненецком табуируется не только зверь (медведь, кабан), но и его следы, для манси также характерна замена табуированного слова существительным *ханиши* ‘узор’. В таком случае у слова *ханиши* в ЛСГ «Изобразительные искусства» следует отмечать значение ‘след (зверя, наименование которого подвергается табуированию)’, а слово в новом значении должно быть отнесено к ТГ «Животный мир», подгруппа «Организм животных» (см. также [Кузнецова 2001]). У манси для названия лягушки (*порыганэква*; на *Сосьве пурьтан экв*) используется эвфемизм *хал экв*, букв. ‘между кочек женщина’ [Чернецов 1987, с. 35-36], то есть привлекается модель переноса значения «животное → человек» с указанием, где женщина находится. У представителей самодийских и обско-угорских народов табуируются имена божеств, которые принимают антропоморфную или зооморфную и орнитоморфную личину, перевоплощаясь в определенных зверей и птиц. Среди метаморфоз мансийской богини Калтащ выделяются три ее священных облика – *лунт* ‘гусыня’, *совр* ‘заяц’ и ‘вершины реки Сакв горная женщина’. В этом случае действует та же семантическая модель («человек → животное / птица»), дополняемая ономаσιологической моделью «место обитания человека».

Таким образом, в докладе речь шла о соотношении лексико-семантических групп (полей) слов с группой слов, объединенных в так называемых идеографических словарях по предметно-понятийному (иначе – тематическому) принципу. Между лексико-семантической и предметно-понятийной (идеографической) классификациями слов есть зоны пересечения благодаря наличию в языках полисемантических

³ Интересно отметить, что и в амурских говорах русского языка в речи охотников тоже табуируется след кабана, называемый *аргиши* в значении ‘перекочевка’ [Аникин 1997, с. 96].

слов, значения которых нередко образуют шкалу переходности между различными тематическими полями. Пересечения, частичные наложения двух указанных типов лексических систем характерны как для близкородственных, так и для далеких по происхождению языков.

Список литературы

- 1) Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997.
- 2) Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1965. Ч. II. С. 85-90.
- 3) Кривошапова Ю.А. Об одной мифологической семантической модели ('животное' → 'болезнь') // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. Вып. IV. С. 59-63.
- 4) Кузнецова А.И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX вв.). М.: Издательство Московского университета, 1963.
- 5) Кузнецова А.И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2001. Bd. 23. P. 99-103.
- 6) Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. Под ред. В.В. Морковкина. М.: Русский язык., 1984.
- 7) Матвеев В.А. Семантика в Миланском центре кибернетики и лингвистики // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М.: Издательство И МГПИИЯ, 1964. Вып. 8. С. 199-222.
- 8) Мельников Г.П. О типах дуализма языкового знака // Филологические науки. М., 1971. №5. С. 54-69.
- 9) Младенова Д.М. Балканский тип астрономической системы // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Издательство Московского университета, 2004. № 1. С. 48-54.
- 10) Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. I-II.
- 11) Чернецов В.Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1987.
- 12) Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. М.: Издательство Иностранной литературы, 1950. С. 198-209.
- 13) Bakró-Nagy M.Sz. Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen. Budapest, 1979.